

А. В. Бондарев

Культурологическая новатика: проблемы и решения*

Представлен опыт обоснования и концептуализации культурологической новатики. Предметом изучения в этом разделе теоретической культурологии выступает новизна как культурный феномен. Рассматривается соотношение новатики, инноватики и традициологии: показано, что новатика охватывает всю область новационных явлений в культуре, в то время как в фокусе инноватики находятся нововведения, т. е. процессы внедрения новшеств в ту или иную практику (в экономике, науке, технике, искусстве, обществе и т. д.). Отмечается, что новации носят крайне специфический, парадоксальный, трудноуловимый и «текущий» характер. Подчеркивается, что для постижения новизны как культурного феномена важна не только объективная констатация чего-то «нового» (прежде небывшего), но и человекомерность, учет «эмоционального пула» восприятия человеком (целевой аудиторией, обществом) этого «новшества», а также конкретный историко-культурный контекст его появления. Новизна в культуре имеет весьма релятивную природу, ей свойственны целостность и эмерджентность, единство и многообразие, простота и сложность, нелинейность и неустойчивость. Специфика и проблемное поле культурологической новатики раскрываются на примере книги «Новизна культуры или культура новизны», изданной авторским коллективом СПбГИК Н. Н. Суворовым, И. В. Леоновым и О. В. Прокуденковой (2021).

Ключевые слова: история культурологии, культурологическая новатика, новизна, новаторство, новация, инновация, инноватика, традиция, традициология, творчество, культурогенез

Alexey V. Bondarev

Culturological novatics: challenges and solutions

The article presents the experience of substantiation and conceptualization of culturological novatics. The subject of study in this section of theoretical culturology is novelty as a cultural phenomenon. The relationship between novatics, innovatics and traditionology is considered: it is shown that novatics covers the entire field of novation phenomena in culture, while innovations are in the focus of innovatics, i. e., the processes of introducing novelties into a particular practice (in economics, science, technology, art, society, etc.). It is noted that innovations have extremely specific, paradoxical, elusive and «fluid» character. It is emphasized that in order to comprehend novelty as a cultural phenomenon, it is important not only an objective statement of something «new» (previously unknown), but also the «emotional pool» of perception by a person (target audience, society) of this «innovation», as well as the specific historical and cultural context of its appearance. Novelty in culture has a very relative nature, it is characterized by integrity and emergence, unity and diversity, simplicity and complexity, nonlinearity and instability. The specifics and problematic field of culturological novatics are revealed by the example of the book «The novelty of culture or the culture of novelty», published by the author's team of Saint-Petersburg State Institute of Culture – N. N. Suvorov, I. V. Leonov and O. V. Prokudenkova (2021).

Keywords: history of culturology, culturological novatics, novelty of culture, culture of novelty, novation, innovation, innovatics, tradition, traditionology, creativity, cultural genesis

DOI 10.30725/2619-0303-2024-1-13-22

* Статья подготовлена в рамках проекта «Генезис российской культурологии: научно-исследовательская программа и эпистемологические основания изучения», поддержанного по итогам Конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ учеными – кандидатами наук РГПУ им. А. И. Герцена.

Новатика как область культурологических исследований: актуальность, специфика, проблемное поле. Какова природа нового в культуре? Что есть новизна? И есть ли она вообще? Или, как утверждает в Экклезиасте, нам только кажется, что есть новое, но «это было уже в веках, бывших прежде нас», было,

но оказалось крепко позабыто... Будет ли переизобретенное новым? И если да, то для кого оно будет «новым», а для кого «старым»? Какова мера новизны? Да и можно ли «измерить» новаторство? Каковы границы новизны? Каковы ее источники и где лежат ее пределы? Как происходит генерация новаций, что определяет их

конкуренцию и отбор за право на внедрение в живую толщу культуры? Насколько появление нового обусловлено историко-культурной эпохой? Или создание новаций является исключительно уделом гениев-новаторов? Как новация переходит в инновацию, а та превращается в традицию? Какова диалектика нового в культуре, насколько может быть разрушительна «новизна» для прежней «старины»? Любые ли нововведения нужны, полезны и уместны? Что может рассматриваться в качестве критерия необходимости и желательности той или иной новации? Что обуславливает восприятие тех или иных новшеств современниками и последующими поколениями? И насколько изменчива одна и та же новация в зависимости от восприятия разных поколений и различного контекста? Благодаря каким механизмам новое генерируется и вплетается в процесс культурогенеза, удерживается и конденсируется в напластованиях культурного наследия? Как соотносятся между собой многочисленные понятия, выражающие различные аспекты новизны («новое», «новшество», «нововведение», «новация», «инновация», «реновация», «открытие», «изобретение» и т. д.). Наконец, как выявлять и изучать новации? И какие преимущества имеет культурологический подход для исследования новаций?

Вот тот основной круг вопросов, который можно отнести к проблемному полю *культурологической новатики*. Предметом этого раздела теоретической культурологии является *новизна как культурный феномен*. Новации в культуре носят крайне специфический, парадоксальный, трудноуловимый и «текущий» характер. Только возникнув, они либо устраняются как ненужные или нежелательные, т. е. исчезают, либо внедряются, т. е. превращаются через «инновацию» в традицию. Новации вспыхивают, словно искорки в жерле вулканической порождающей мощи культурогенеза, вспыхивают, чтобы тут же либо погаснуть либо кристаллизоваться в многообразии культурных феноменов, практик и норм.

Актуальность новатики как особого исследовательского направления определяется, прежде всего, фундаментальностью проблемы новизны и новаторства для всей системы культурознания. Далеко не случайно то особое внимание, которое уделяется в академической культуре выявлению новизны в любом серьезном исследовании, определению новаторства, установлению степени оригинальности и авторского вклада в научных работах. Также вопрос о новизне всегда представлялся важным, поскольку раздвигал временную последовательность событий и акцентировал внимание на

достигнутых результатах творческой деятельности. Повседневные встречи с новизной стирают остроту и проблемность этого феномена, новизна становится чем-то «само собой разумеющимся», ее восприятие словно бы притупляется. Требуется внимательное и терпеливое изучение новаторства, «вглядывание» в его «вспышки» и «следы» в культурной деятельности.

Новизна как явление имеет весьма релятивную природу, а как понятие обладает весьма относительным характером. Во-первых, это относительность во времени: до определенного момента нечто возникшее – это новация, после – традиция, для одного времени некое изобретение – это что-то новаторское, а для другого – тривиальность. Во-вторых, это относительность в пространстве: для одной территории некое новшество – это полезная и востребованная новация, а для другой – лишний и бесполезный элемент. В-третьих, обращает на себя внимание относительность новизны в разных культурах и у разных народов мира: для одних новейший айфон – это предел мечтаний и свидетельство особой «успешности» и «продвинутости», для других – элементарный инструмент связи, а для кого-то – вообще излишний и ненужный аксессуар. В-четвертых, нельзя не заметить, что новизна относительна в восприятии разных людей, новации очень по-разному воспринимаются представителями даже одной и той же культуры: для одних изобретение вакцины против какого-то заболевания – это возможность защитить себя и своих близких, а для других – посягательство на личную неприкосновенность и социальная угроза массового «чипирования». Этот ряд параметров многогранной относительности новизны можно продолжить...

Новатика и инноватика: соотношение и особенности. Для обозначения исследовательского поля изучения новационных явлений предлагались различные наименования. Так, например, Е. Н. Князева считает, что в последние десятилетия возникла особая область исследований – *инноватика*. Е. Н. Князева определяет ее как «науку о креативном обновлении». Предметом исследований в инноватике являются инновационные процессы и закономерности их протекания, новшества и проходимые ими «жизненные циклы», начиная с их возникновения (новации) и распространения, диффузии в среде (инновирование) с появлением результата (инноваций) до рутинизации (превращения в обычность). Инноватика предстает с этой точки зрения как теория инноваций в науке, культуре, обществе и их «жизненных циклов» [1, с. 51]. Между тем еще в 70–80-х гг. прошлого века один

из основоположников отечественной культурологии Э. С. Маркарян обращал внимание на то, что многие теоретические трудности возникают у исследователей новизны именно в связи с тем, что они смешивают понятия «новация» (новшество) и «инновация» (нововведение). Показательно, что в англоязычных странах термин «новация» вообще отсутствует. Между тем различие данных понятий имеет, по нашему мнению, ключевое значение для понимания динамики традиции. Э. С. Маркарян четко дифференцирует два состояния механизма этой динамики, говоря об опыте *новационном* и *стереотипизированном*, т. е. принятом (индивидами или группами). Инновация, по его словам, относится как раз ко второму состоянию, выражающему начальный этап формирования традиции [2, с. 485–489; 3, с. 596–606]. Следовательно, можно прийти к выводу, что новатика охватывает *всю область новационных явлений в культуре*, в то время как в фокусе инноватики находятся *нововведения*, т. е. процессы *внедрения новшеств в ту или иную практику* (в экономике, науке, технике, искусстве, обществе и т. д.).

Новатика и традициология: соотношение и взаимообусловленность. В отечественной литературе проблема новаций в контексте традиций рассматривалась также в рамках традициологии, предложенной и обоснованной Э. С. Маркаряном на рубеже 1970–1980-х гг. Он определял традициологию как культурологическую теорию динамики традиций [4, с. 61]. В центре внимания традициологии, согласно ее основоположнику, находятся проблемы новаций и традиций, сохранения и трансляции систем культуры, исследуются трансформационные циклы жизненного опыта людей и взаимопревращения личностных и групповых стереотипов деятельности. В постсоветский период традициология была по сути дела почти полностью предана забвению и была реанимирована в российской культурологии лишь благодаря работам учеников и последователей Э. С. Маркаряна [3, с. 596–606; 5, с. 172–178; 6; 7].

Э. С. Маркарян определял культурную традицию как *выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется в различных человеческих коллективах*. Э. С. Маркарян абсолютно верно указывал на не вполне оправданное противопоставление культурной традиции и творческого начала активности людей, поскольку оно действительно применимо лишь при *статическом* рассмотрении. «Однако если подходить к изучению традиции с точки зрения

развития, динамики, то столь жесткое противопоставление оказывается неправомерным, ибо любая инновация, если она принимается множеством входящих в ту или иную группу людей, стереотипизируется и превращается в традицию. – доказывал ученый. – Поэтому динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых» [2, с. 333]. Анализируя творчество людей с точки зрения идей самоорганизации, Маркарян призвал отказаться от его аксиологизации, этизации и эстетизации, которая нередко встречается в литературе. Он особо обращал внимание на диалектический, амбивалентный характер творческой деятельности, которая может иметь как негэнтропийную (созидательную), так и энтропийную (деструктивную) направленность.

Представляется, что примененный Маркаряном динамический принцип к изучению проблемы соотношения традиций и инноваций открывает далеко идущие перспективы в исследовании динамики и ритмики культурогенеза. Основываясь на его подходе и учитывая вклад представителей «креативистского» понимания культуры (А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, Н. С. Злобина и др.), возможно поставить вопрос о *творческой активности* как имманентном факторе развития культурогенеза, вводя градацию уровней культуротворческой деятельности: от близких к нулевой (рутинное воспроизводство обычаев и простое повторение стандартизированных действий), затем – творческая передача традиций, и наконец, – до высших проявлений креативности (рождение новых паттернов как синтез антитез, образующий «новую сущность» культуры, эпохи расцвета в развитии культуры локальных цивилизаций, пики творческой активности человека).

Кроме того, принципиально важно, что *категория творчества*, на которой специально акцентируется здесь внимание, имманентно сочетается в себе как *инновационные импульсы*, так и *культурные традиции*. Ведь творчество – это не только процесс создания нового, но и способ удержания старого в «работоспособном состоянии». Созидая новое, творчество не просто отвергает старое, а преобразует его, развертывает заложенные в нем потенциалы [5, с. 176–177]. Это позволяет в конкретном историко-культурном исследовании учитывать не только исключительно одни *инновационные* проявления (как предлагал А. Я. Флиер), но и сами культурные *традиции*, представляющие собой базовую основу в развитии любой культуры (на чем настаивают Э. С. Маркарян, К. В. Чистов и С. Н. Артановский), тем самым *выявляя диалектическую*

сопряженность традиций и новаций, которая и составляет сущность процессов культурогенеза. С одной стороны, инновация служит потенциальным источником образования стереотипов культурных традиций. С другой – традиции выступают в качестве необходимой предпосылки творческих процессов создания того фонда, путем комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы. Более того, сами традиции обычно и задают им общую направленность. Вместе с тем диалектизм сопряжения традиции и инновации – это еще и преодоление традиции в ходе порождения новаций; любая инновация преодолевает установившуюся традицию и тем самым развивается и обогащает данную конкретную культуру [5, с. 177]. Поэтому новации, инновации и традиции следует рассматривать не обособленно или в противопоставлении друг другу, а в их генетической взаимообусловленности, органической целостности и диалектической сопряженности.

* * *

Изучение новаций и традиций имеет особое значение в системе знаний о культуре, в истории культурологии обсуждение проблемы их соотношения и взаимообусловленности неоднократно оказывалось в самом эпицентре исследовательского внимания и научных дискуссий [4; 8–13]. Феномен новизны привлекал внимание столь многих исследователей, что, казалось бы, ничего «нового о новом» сказать уже невозможно [2; 10; 14–18]. Однако новое тем и интересно, что безгранично, многолико и многомерно, открываясь перед новыми поколениями ученых все новыми горизонтами новизны.

Инновационный опыт изучения новаций. Рассмотрим современный опыт изучения проблемы новизны на примере недавно вышедшей книги «Новизна культуры или культура новизны», написанной Н. Н. Суворовым, И. В. Леоновым и О. В. Прокуденковой – видными представителями культурологической школы Санкт-Петербургского государственного института культуры. Эта монография коллектива петербургских ученых посвящена феномену новизны, ее отражению и многообразнейшим преломлениям в культуре. Для изучения столь специфичного, трудноуловимого и «текущего» явления, каковым является новизна, авторы прибегают к особому способу мыслиеизъяснения, для которого характерны метафоричность, образность, парадоксальность, открытость, диалогичность, «текучесть», «пластичность»... Авторы как бы вступают в диалог-игру с проявлениями новизны, сохраняя открытость в постижении

ее качественного своеобразия. Это существенно расширяет возможности рассмотрения новизны, придает особую глубину и «складчатость» авторского дискурса. Происходит как бы «ощупывание» новизны, «вчувствование» в природу новаций, мысленное погружение в саму стихию новаторства. Именно такой стиль мыслиеизъяснения, талантливо найденный и проведенный авторами, способен в какой-то мере «вместить» качественную специфичность новизны, оказываясь релевантным объекту изучения. Благодаря этому оказывается возможным достичь многомерности, многоуровневости и многогранности в рассмотрении феномена новизны.

Несомненным достоинством книги является опыт онтологического обоснования новизны. Ставится совершенно резонный вопрос, является ли новизна культуры результатом оценочных суждений, когда новое культурное явление фиксируется в языке или закрепляется в созданных и названных артефактах, или же новизна становится фактом самого культурного бытия – неопознанная и неназванная новизна, требующая своего познания и названия?

Ответом является утверждение, выдвинутое в первом разделе статьи, что новизной культуры выступают результаты взаимодействия («трения») «присутствия и бытия». Такая широкая трактовка переводит явление культурной новизны на уровень философского обобщения, при котором «присутствие» и «бытие» оказываются самостоятельными акторами так называемого «театра бытия», действия которого закрепились в культуре в виде исторических метанарративов. Приведенные в тексте метанарративы выступают подтверждением и убедительными иллюстрациями многообразия ликов присутствия, а также различных конкретных проявлений культурной новизны. Основная мысль сформулирована следующим образом: «Новое в культуре возникает в сдвиге присутствия, в котором возникают случайные и закономерные возмущения – присутствие выходит из состояния недолгого равновесия, проявляет новые характеристики, которые обнаруживают себя в смещении пространства и измененной темпоральности» [19, с. 10].

Книга состоит из двух частей, разделенных соответственно авторством Н. Н. Суворова (часть I «Новизна в культуре») и совместным авторством И. В. Леонова и О. В. Прокуденковой (часть II «Новизна в культурных практиках»).

В разделе 1.1 «Здравствуй новизна! Первое приближение» сформулированы основные положения, которые в последующих разделах будут раскрываться и развертываться. И здесь привлекает внимание понятие «отложенной но-

визны», которая по причине инерции культуры задерживается в своем утверждении. Инерционность культуры, как многие другие положения, к сожалению, только зафиксированы в работе, и содержат значительный потенциал для более углубленного рассмотрения и детального раскрытия.

В разделе: 1.2 «Новое в «театре бытия» – исследуется культура как территория воображаемых и реальных смыслов, попадающих в зону субъективного. Это «набрасывание» смыслов и ценностей, по словам М. Хайдеггера, происходит в процессе осмысления равнодушной природы. Анализ новизны культуры дополняется исследованием воображаемых форм, которыми пронизана культурная среда, рассмотренная в процессе становления. В книге интересно и продуктивно использовано понятие «театра бытия» – развернутого нарративного перформанса сотворения мира. Мифологический контекст становится культурным фоном появления новизны и ее осмыслением. Сотворение мира и человека проходит под знаком постоянно акцентированной мысли – вопроса: новое возникает из пустоты или его появлению предшествуют прежние формы. Предчувствие нового принимает форму пророчества, видящего «удаленную новизну» и ее вербальное утверждение пророком.

Раздел 1.3 «Из тайны в событие. Названная новизна» посвящен именованию новизны, нахождению ее имени среди иных явлений и расположению в ряду известного знания. Имя, данное новизне, дает объяснение и направляет в сферы культурной деятельности. Для наглядного анализа выбраны исторические события, показывающие процессы связи событий и их нарекания, именования новизны, ее определения и трактовки.

«Новизна разрушения. Деструкция в культуре». В разделе 1.4 исследованы процессы распада культурных форм. Эти процессы происходят по аналогии с разрушениями в природе. Справедливо отмечено, что соединение и взаимодействие присутствия и бытия строится на основании предыдущих состояний – из обломков прошлого, с добавлением необходимой новизны. Созидание нового в культуре, равно как и культурное разрушение, подвергаются не только выведению смыслов полезности и ценности, но и подчиняются эстетической оценке. Эстетическое выступает маркером новизны, помечая ее целостность или частность, гармоничность и прихотливость. Автор замечает, что эстетические качества нового придают большую убедительность, выступают поводом для именования. Делается вывод, что альтернати-

ва – творение и разрушение – превращается в универсальный закон процессов бытия и, в том числе бытия культуры.

Творение нового через разрушение устойчивых явлений культуры предлагается в данном разделе в нескольких формах, подкрепленных убедительными примерами, и это находит себя в разрушении негативных ценностей, социальном и ироническом разрушении, а также в разрушении мыслительных структур и создании новых.

Раздел 1.5 «Приключения новизны» посвящен анализу исследуемого феномена в процессе интеллектуальных и жизненных приключений субъективного сознания. Так, в произведениях искусства художники осуществляют воображаемые приключения, происходящие как в жизненных ситуациях, так и на пороге смерти. В свою очередь, смерть трактуется как возможная новизна, открывающаяся в трансгрессии предела, ставшая важнейшим культурным нарративом. Авторские суждения о формах и интенциях новизны подкрепляются тщательным и глубоким анализом событийных форм реальной жизни. Новизна всплывает из перегруппировки бытия или возникает непосредственно из небытия. Интерес вызывает мысль автора о возможности появления новизны «между событиями», как возможное дробление присутствия на дискретные формы. Н. Н. Суворов тонко подмечает, что любовь к приключениям культивирует стремление к новизне, как в культуре, так и в процессе непосредственного проживания, фиксируется в приключенческой литературе. Жанр приключений компенсирует дефицит новизны в жизни и культуре и подготавливает сознание к неожиданным событиям и открытиям.

В разделе 1.6 «Рождение и старость ценностей» рассматривается природа ценностного сознания в процессе возникновения и переоценки ценностей. Изменение культурного фона оказывает влияние на оценки новизны и старины, что особенно ярко проявляется в сфере искусства, в акцентах на художественные произведения. Здесь автор рассматривает превращение ценностей и их переход в процессы психологических переживаний: «Интенсивность переживаний находится в прямой зависимости от величины ценностей. Можно сказать, что переживание формирует в процессе приключения, как субъективно важное событие и становится основой формирования ценностей» [19, с. 73]. В разделе затронут весьма актуальный вопрос о переоценке ценностей, их телеологии и возникновении новизны как свободы выбора. И здесь автор формулирует аксиологический парадокс:

новые ценности не совпадают по содержанию со старыми, противоречат им, но новизна и полезность получают свою оценку именно в процессе сравнения со старыми ценностями. Каким образом сопрягаются их содержание? Ответ лежит в сфере воображаемого сравнения и сопоставления, но все равно при выборе культурных ценностей остается непонятной мистика скачка интуиции.

Емкий и содержательный анализ телесности дан в разделе 1.7 «Тело удивляет. Восторги гурмана». Здесь новизна рассмотрена как тексты тела, миметически демонстрирующие изменение чувствительности. «Присутствие способно раскрываться как осуществление своих потенциалов, перетекающих от одних впечатлений к другим...» [19, с. 82]. Выделен некоторый субъект – гурман – любитель чувственных впечатлений, он рассмотрен как собиратель телесной новизны. Телесность исследована с точки зрения гендерных и возрастных различий, которые по-разному откликаются на появление новизны. Телесная новизна оказывается основой и началом открытия интеллектуальной новизны.

«Обновление смыслов. Новизна в пространствах мысли». Раздел 1.8 посвящен исследованию новизны мышления. Интеллектуальная новизна рассмотрена как интегративное качество, собирающая как саму мысль, так и мыслящего субъекта с его эмоциональным миром, конкретную ситуацию его мышления. Подкреплением такой позиции являются мысли А. Пятигорского, изучавшего буддийские практики и показавшего в своих исследованиях многообразие «потоков мышления», их наполнение материалом субъективного опыта. Мысль может рассматриваться как процесс и как результат. От способа мышления зависит поиск новизны, ее образ и имя. В работе справедливо постулируется отличие мыслящего от знающего. Если первый ищет новизну, видит ее «в дали» интеллектуального горизонта, то второй ее уже нашел и превратил в устойчивое знание. В разделе проанализированы идеи таких мыслителей XX в., как М. Хайдеггер, Р. Барт, Ж. Делез, В. Библер, П. Флоренский, П. Бурдьё.

Отмечены два вида научной новизны, которые отличаются по способу получения, – это открытие и изобретение. «Если открытие характеризует уже существующее в бытии, но неизвестное в присутствии, то изобретение относится к целенаправленному созданию не существовавшего ни в бытии, ни в присутствии, но появившегося как творение принципиально нового» [19, с. 103].

Интеллектуальное творчество также осуществляется в сфере появления мечты и фан-

тазии, которые, несмотря на видимую практическую бесполезность, играют роль подготовки к творческой работе или даже выступают самостоятельной деятельностью по созданию субъективной новизны.

Несомненный интерес, на мой взгляд, представляют также авторские размышления о природе и типах гениальности, которые раскрываются в процессах открытия новизны в различных социальных ракурсах. Сам феномен гениальности представлен, благодаря теории Станислава Лема, в довольно иронической интерпретации.

Исследование новизны в культуре не могло обойтись без вопроса об истине и правде. Этому посвящен раздел 1.9 «Истинная правда или правдивая истина». В этом разделе рассматриваются различия истины и лжи в их отношении к новизне. Подчеркивается, что массовое сознание и массовая культура не нуждаются в истине, но довольствуются правдой, которая превращается в новизну с меняющимися смыслами. В практике отечественной культуры сложилось правило трактовать правду как результат непосредственного опыта, в то время предполагается, что это еще не истина. Понятие истины содержит устойчивые религиозные и нравственные ориентиры. В этой связи отмечается, что многочисленные религиозные ереси, возникавшие в различные времена и имеющие разные принципы, фактом своей многочисленности подтверждают возможность новой трактовки истины, часто сводя ее к достижению социальной справедливости. Иное дело – истина в произведении искусства: она открывается в постоянном мерцании образов, ценностей и смыслов, которое развивается по принципу взаимной дополнительности.

«Воображаемое обновление. Иллюзии новизны». В разделе 1.10 исследуется сфера воображаемого, в которой наиболее плодотворно взаимодействуют «присутствие» и «бытие», поскольку именно в этом пространстве царит свобода взаимодействия различных качеств в различных координатах. Согласно авторской концепции, именно здесь появляется *новизна*, которая способна направить культурное движение. В промежутках смыслов и ценностей обнаруживается продуктивная новизна, поэтому авторское внимание привлекает проблема *метаксиса* в пространстве культуры. Это связано с научным поиском, который движется между вымыслом и гипотезой. В сравнении с рационально организованным мышлением, как показывает Н. Н. Суворов, воображаемое движется не в понятийной сетке координат, а «плывет в образах, что делает его движение

существенно легче и свободнее». Воображаемое способно к «переворачиванию» смыслов и нахождению новых значений, качеств, смысловых глубин: «Преимущества воображаемого в его гибкости, в способности к риску в поисках новизны, умении манипулировать образом, представлять и преобразовать любую вещь, даже сами способности воображения и мышления» [19, с. 118].

В данном разделе также интересна дихотомия представленных автором феноменов: воображенное, воображающий и квази-объекты. Если воображенное существует как в интеллекте воображающего, так и в материальном мире, будучи определенным в артефакте, то воображающий – это субъект, занятый воображаемыми мирами и, возможно, имеющий намерение превратить свое воображаемое в материальный объект. Воображаемое, создающее законченные продукты, творит, таким образом, квази-объекты – идеальные модели будущих артефактов. Квази-объекты наполняют виртуальное пространство, создавая, например, арену компьютерных игр или культурных памятников. «Парадоксальность воображающего в предельности позиции, он перестает нуждаться в реальности, погружаясь в виртуальное пространство созданного им воображаемого» [19, с. 121]. В каждом разделе, равно как и в этом, предлагается типология воображающего субъективного: 1) отвлеченного мечтателя, 2) воображающего вещи, 3) воображающего символы, 4) воображающего идеи, 5) воображающего абсурд «вненаучной фантастики», 6) воображающего страх и ужас.

В разделе 1.11 «Эстетика новизны или аура искусства» эстетические качества рассматриваются в качестве культурных маркеров новизны, поскольку в эстетическом заложены корни актуальности. Именно они и стимулируют интерес к новизне и креативности. В этом разделе анализируются опыт отечественного авангарда, а также исследуется литературная новизна в классических произведениях. Новизна в художественном произведении присутствует принципиально, поскольку ценностью произведений является уровень оригинальности и самобытности. Исследуется процесс творчества и условия создания новой художественной формы, рассматривается художественное новаторство и его оценка. Насколько новаторство заметно для современников? И как в произведении угадываются черты нового субъективного, повторяющего авторскую позицию и новое творение формы? Подчеркивается роль живописного портрета в произведении Оскара Уайльда. «Ценности новизны увлекают эстетическое к

собственному изменению, к уточнению и преобразованию критериев человеческих поступков, оценке произведений» [19, с. 136]. В этом разделе Н. Н. Суворовым исследуется новизна художественных приемов многих художников Серебряного века и русского авангарда: футуризм, лучизм, кубизм, абстракционизм и конструктивизм. В связи с многообразием оценок новизны автором уделяется внимание анализу массового сознания, не принимающему и не понимающему новизну, превращение новизны в нелепицу и абсурд. В этой связи Н. Н. Суворовым также анализируются различные виды новизны в классическом искусстве (Гойя) и в направлениях XX в. (Пикассо, Миро).

В разделе 1.12 «За поворотом культуры» исследуется новизна в различных культурных эпохах (эпистемах). Для примера берется средневековые представления о Чистилище (Purgatorium) и рассматривается его новаторская суть, а также его интерпретация в «Божественной комедии» Данте. Обращается внимание на то, что идея Чистилища сыграла важную роль в европейском представлении о субъективности.

В разделе 1.13 «Новизна в спектре культурных изменений XX–XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн». Основная идея раздела опирается на различия модерна и постмодерна, выявленные И. Хассаном. Эти же характеристики с некоторыми дополнениями приложены к выявлению новизны культуры в метамодерне. Раздел начинается с анализа новизны конструктивизма В. Татлина, характерного для модерна, и далее исследуются основные характеристики, такие как: неопределенность, фрагментарность, преодоление канонов, многомерность, не показывание, ирония, цитатность, перформативность, символичность. Последний раздел первой части книги (1.14) посвящен проблеме градации уровней и определению границ новизны как феномена культуры.

Новизна в культурных практиках. Вторая часть рассматриваемой книги, написанная совместно И. В. Леоновым и О. В. Прокуденковой, посвящена анализу практических сторон проблематики новизны в культуре.

Авторы сосредотачивают внимание на соотношении традиций и инноваций в сложных процессах культурогенеза. Рассматривается и справедливо критикуется довольно распространенный подход, согласно которому многие исследователи воспринимая традиции культуры как ее устойчивые формы, бытовавшие в период, предшествовавший модернизации. Такой подход, идеализирующий архаичные формы культуры, ведет к

обозначению жесткого водораздела между традициями и инновациями, что не вполне верно. Опираясь на фундаментальные труды Э. С. Маркаряна, авторы раскрывают суть традиций как открытых к взаимодействию с новациями феноменов, изменяющихся во времени в зависимости от исторических условий. Также уделяется внимание вопросу психологических сторон восприятия различных феноменов культуры как старых и новых, традиционных и инновационных.

Представляет особый интерес раздел монографии, в котором авторы анализируют различные механизмы «состаривания» инноваций и «омоложения» традиций. В данном ракурсе осуществлен подробный анализ воздействия моды и рекламы на процессы актуализации, бытования и деактуализации вещей в повседневной культуре. Рассматриваются пути социальной инженерии, применяемые в сфере работы с моделированием традиций, внедрением новаций, а также различные технологии их конфигурирования.

Самостоятельный блок текста посвящен различным ценностно-смысловым аспектам восприятия традиций и инноваций. Анализируется опыт различных культур в отношении идеализации старого и нового, выбора вектора смысловой направленности на прошлое и будущее. Моделирование традиций в конкретных сферах культуры рассмотрено на примере их формирования и внедрения в туристической сфере. Авторы отмечают, что многие «изобретенные традиции» уходят своими корнями в реализацию архетипических структур поведения туристов, путешественников и паломников. Также весьма интересен раздел, посвященный проблеме применения практик актуализации, «обновления» культурного наследия. В этой связи авторы рассматривают генезис различных практик обновления наследия в довольно широком историко-культурном контексте.

Таким образом, мы можем заключить, что феномен культурных новаций был рассмотрен авторами данной монографии в самых различных проекциях и ракурсах, на всех трех уровнях культурознания (культурфилософском, культурологическом и культурографическом). Фундаментальный ракурс изучаемой проблематики на уровне культурфилософского осмысления наиболее выражен в первой части. Многогранно представлен и культурологический уровень изучаемой темы, в рамках которого осуществлена ее генерализация, типологизация, проанализирована динамика и морфоло-

гия, создана теоретическая база для междисциплинарного синтеза для дальнейших исследований в этой области. Наконец, в монографии выражен и культурографический (культуроведческий) уровень изучаемой проблематики, позволяющий применять полученные авторами теоретические положения в разработке проектов по сохранению культурного наследия, социокультурной инженерии и т. д.

В завершение необходимо также отметить смысловую наполненность и особую эстетическую изысканность в удачно найденной художественной стилистике этого издания. В оформлении обложки книги была использована картина талантливого художника Рашида Доминова «Дневные звезды». На переднем плане представлены зеленеющая крона молодой пальмы и архитектурные контуры восточного города. Центральный образ картины – восьмиконечная комета, вспыхнувшая и стремительно проносющаяся по озаренному ее сиянием небосводу. В этом можно легко и безошибочно точно узнать емкое аллегорическое изображение *Вифлеемской Звезды*, знаменующей собой *новизну явленного всему миру откровения о Рождении Христа* – главной и универсальной новации всей мировой истории культуры, точки соединения и единения Небесного и Земного, лучезарного символа всеочищающего *обновления и исправления* мироздания, предвестия Нового Завета, светлого знаменания радости, утешения, надежды и спасения для всего человечества... Этот художественный образ, вынесенный на обложку книги и выступающий ее неотъемлемой частью, а, возможно, и ее кодом, значительно углубляет все ее собственно текстовое содержание, придавая как бы еще одно – «непроговоренное» и трудно-выразимое на языке рациональной науки – *духовное измерение* в постижении феномена новизны...

* * *

Таким образом, как показывает рассмотренный пример книги коллектива петербургских ученых, *новатика* является реально существующим направлением современных междисциплинарных и интегративных исследований, их появление обусловлено необходимостью изучения всего кластера многообразных новационных форм в культуре на базе неких общих теоретико-методологических принципов для получения релевантных и соотносимых между собой познавательных результатов.

Применение культурологического подхода к изучению новизны как культурного феномена открывает новые перспективы в его постижении: оказывается важна не только объективная констатация чего-то «нового» (прежде небывшего в данной культуре), но и его *человекомерность*, учет «эмоционального пула» восприятия человеком (целевой аудиторией, обществом) этого «новшества». Не менее эпистемологически значимым преимуществом культурологического подхода оказывается принятие во внимание конкретного историко-культурного контекста появления новаций, рассмотрение их генетики, диалектики, динамики, морфологии и праксиологии. Предметом культурологической новатики выступает *новизна как культурный феномен*. Новизна в культуре имеет весьма релятивную природу, ей свойственны целостность и эмерджентность, единство и многообразие, простота и сложность, нелинейность и неустойчивость.

Осознание значимости и признание культурологической новатики дает возможность со всей ясностью дифференцировать предметы культурологии, теории новаций и теории инноваций, теории новаций и теории традиций. Кроме того, это позволяет в рамках одной субдисциплины соединить прежде разрозненные по разным дисциплинарным полям исследования новационных явлений, проводить систематически и целенаправленно изучение новизны как феномена культуры в сопоставлении с аналогичными явлениями, к примеру, в биологии или минералогии, выявляя изоморфизм и изофункциональность в феноменологии *нового* на неорганическом, органическом и суперорганическом уровнях. Это было бы оправдано как для изучения проблем генезиса человеческого общества и его культуры, так и для реализации современных интегративных процессов, наметившихся между культурознанием и естествознанием, общественными и биологическими науками.

Таким образом, можно прийти к заключению, что как в области новатики, так и в традициологии, в отечественной культурологии накоплен значительный исследовательский опыт и получены существенные научные результаты, которые приближают нас к многомерному пониманию специфического, парадоксального, трудноуловимого и «текучего» характера культурных новаций, а также их неразрывной органической связи с традициями в культурогенетических процессах.

Список литературы

1. Князева Е. Н. Инновационная сложность: методология организации сложных адаптивных и сетевых структур // *Философия науки и техники*. 2015. Т. 20, № 2. С. 50–69.
2. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург, 2014. 656 с.
3. Бондарев А. В. Третье рождение культурологии: вклад Э. С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // *Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи*. Москва; Санкт-Петербург, 2014. С. 563–625.
4. Маркарян Э. С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции // *Советская этнография*. 1981. № 3. С. 59–71.
5. Бондарев А. В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: дис. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 256 с.
6. Бондарев А. В. Диалектическое сопряжение традиций и инноваций как «порождающая сердцевина» культурогенеза // *Культурное наследие – ресурс инновационного развития: IX Конгресс этнографов и антропологов: тез. докл.* Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. С. 309.
7. Лурье С. В. Традициология Э. С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // *Культура и образование*. 2015. № 4 (19). С. 5–12.
8. Массон В. М. Традиции и инновации в процессе культурогенеза (в свете данных археологии) // *Преемственность и инновации в развитии древних культур: материалы методол. семинара ЛОИА*. Ленинград: Наука, 1981. С. 38–42.
9. Методологические проблемы изучения этнических культур: материалы симпозиума / отв. ред. Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1978. 124 с.
10. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / В. И. Аршинов и др. Москва: Прогресс-Традиция, 2011. 496 с.
11. Традиции и инновации в духовной жизни общества / сост. Ф. И. Гиренко, Л. Ф. Пирожкова. Москва: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1986. 193 с.
12. Традиции и инновации в истории и культуре: прогр. фундамент. исслед. Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» / отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. Москва: ИЭА РАН, 2015. 620 с.
13. Этнографические исследования развития культуры / отв. ред. А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян. Москва: Наука, 1985. 263 с.
14. Князева Е. Н. От открытия к инновации: синергетический взгляд на судьбы научных откры-

тий // Эволюция, культура, познание. Москва: ИФ РАН, 1996. С. 76–92.

15. Инновационная сложность / отв. ред. Е. Н. Князева. Санкт-Петербург: Алетей, 2016. 608 с.

16. Князева Е. Н. Концептуальные основания социальной инноватики // Профессионализм в образовании и инновации: сб. ст. / под ред. К. С. Пигрова. Санкт-Петербург, 2008. С. 25–49.

17. Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 640 с.

18. Штомпка П. Инновации и инноваторы // Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. Москва: Логос, 2005. С. 439–444.

19. Суворов Н., Леонов И., Прокуденкова О. Новизна культуры или культура новизны. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2021. 272 с.

References

1. Knyazeva E. N. Innovative complexity: methodology for organizing complex adaptive and network structures. *Philosophy of science and technology*. 2015. 20 (2), 50–69 (in Russ.).

2. Markaryan E. S.; Bondarev A. V. (resp. ed. and comp.). Favorites. The science of culture and the imperatives of the era. Moscow; Saint-Petersburg, 2014. 656 (in Russ.).

3. Bondarev A. V. The third birth of culturology: the contribution of E. S. Markaryan to the development of the culturological theory of culture. *Markaryan E. S. Favorites. The science of culture and the imperatives of the era*. Moscow; Saint-Petersburg, 2014. 563–625 (in Russ.).

4. Markaryan E. S. On the importance of interdisciplinary discussion of problems of cultural tradition. *Soviet ethnography*. 1981. 3, 59–71 (in Russ.).

5. Bondarev A. V. History and main directions of development of domestic theoretical studies of cultural genesis: dis. on competition of sci. degree PhD in culture. Saint-Petersburg, 2009. 256 (in Russ.).

6. Bondarev A. V. Dialectical conjugation of traditions and innovations as the “generative core” of cultural genesis. *Cultural heritage – a resource for innovative development: IX Congress of ethnographers and*

anthropologists: abstr. report. Petrozavodsk, July 4–8, 2011. Petrozavodsk, 2011. 309 (in Russ.).

7. Lurie S. V. Traditionology E. S. Markaryan: difference from foreign theories of tradition. *Culture and Education*. 2015. 4 (19), 5–12 (in Russ.).

8. Masson V. M. Traditions and innovations in the process of cultural genesis (in the light of archaeological data). *Continuity and innovation in the development of ancient cultures: materials of the methodological seminar LOIA*. Leningrad: Nauka, 1981. 38–42 (in Russ.).

9. Markaryan E. S. (rep. ed.). Methodological problems in the study of ethnic cultures: symposium materials. Yerevan, 1978. 124 (in Russ.).

10. Synergetic paradigm. Synergetics of innovative complexity / V. I. Arshinov, et al. Moscow: Progress-Tradition, 2011. 496 (in Russ.).

11. Girenok F. I. (comp.), Pirozhkova L. F. (comp.). Traditions and innovations in the spiritual life of society. Moscow, 1986. 193 (in Russ.).

12. Derevyanko A. P. (resp. ed.), Tishkov V. A. (resp. ed.). Traditions and innovations in history and culture: progr. foundation research Presidium of the Russ. Acad. of Sciences “Traditions and innovations in history and culture”. Moscow: IEA RAS, 2015. 620 (in Russ.).

13. Pershits A. I. (resp. ed.), Ter-Akobyants N. B. (resp. ed.). Ethnographic studies of cultural development. Moscow: Nauka, 1985. 263 (in Russ.).

14. Knyazeva E. N. From discovery to innovation: a synergetic view of the fate of scientific discoveries. *Evolution, culture, knowledge*. Moscow: Inst. of Philosophy of the Russ. Acad. of Sciences, 1996. 76–92 (in Russ.).

15. Knyazeva E. H. (resp. ed.). Innovative complexity. Saint-Petersburg: Aletheia, 2016. 608 (in Russ.).

16. Knyazeva E. N. Conceptual foundations of social innovation. *Professionalism in education and innovation*: coll. art. / ed. K. S. Pigrova. Saint-Petersburg, 2008. 25–49 (in Russ.).

17. Bondarev A. V. (sci. ed., comp.). Culturogenesis and cultural heritage. Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 640 (in Russ.).

18. Sztompka P. Innovations and innovators. *Sztompka P. Sociology. Analysis of modern society*. Moscow: Logos, 2005. 439–444 (in Russ.).

19. Suворov N., Leonov I., Proкуденкова O. Novelty of culture or culture of novelty. Saint-Petersburg: SPbGIIK, 2021. 272 (in Russ.).